

Степанов В. П.,
*доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой социальной антропологии и
этнонациональных процессов,
главный научный сотрудник НОЦ «Социальная антропология»,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева*

**В лабиринте 25-летнего поиска себя.
К вопросу о кризисе этногражданской идентичности в постсоветской
Молдове**

В публикации рассматривается феномен этнических ориентиров титульного этноса Молдовы; фактор регионального сознания, который необходимо учитывать, говоря о формировании этнических, гражданских и политических ценностей. Представлено развитие этнополитического сознания молдаван и национальных меньшинств в современной Молдове. Кратко, в силу ограниченности объема публикации анализируется лингвистическая ситуация, сложившаяся в Республике Молдова.

Автор подчеркивает, что региональная идентичность может как носить ярко выраженную этническую окраску (Гагаузия), так и выступать в качестве характеристики общих представлений жителей многонационального региона (Приднестровье).

Ключевые слова: *этнополитика, политическая нация, региональная идентичность, титульный этнос, Молдова, Приднестровье, Гагаузия.*

Stepanov V. P.,
*Doctor of Historical Sciences,
Professor, Head of the Department of Social Anthropology and
Ethnic Processes, Ch. Researcher REC "Social Anthropology",
Orel State University named after I.S. Turgenev*

**Twenty-five years in a maze of finding yourself.
To the question about the crisis of ethnopolitical identity in post-Soviet Moldova**

The publication considers the phenomenon of ethnic orientations of titular nation in Moldova; regional consciousness factor that must be considered in the conversation about the formation of ethnic, civic and political values. The article presents the phenomenon of ethnic and political consciousness of Moldovans and national minorities in modern Moldova. Briefly examines the linguistic situation in Moldova.

The author emphasizes that regional identity can wear a distinct ethnic overtones (Gagauzia) and can be a feature of General ideas of people in a multinational region (Transnistria).

Keywords: *ethnic policies, political nation, regional identity, title ethnos, Moldova, Transnistria, Gagauzia.*

Кризис молдавской идентичности: блуждание или путь в поисках себя!

Характеризуя полиэтничное сообщество Республики Молдова, прежде всего, необходимо остановиться на ситуации, сложившейся в среде государствообразующего этноса. Этнические ориентиры молдаван действительно можно охарактеризовать как феномен. Пережив, наряду с другими бывшими союзными республиками в начале 90-х гг. XX в., всплеск национально-политических вызовов, Молдова выделилась среди них тем, что, по сути, только в ней наиболее радикальная часть молдавского этноса отказалась от этнического имени и провозгласила свою идентичность с румынами.

Годы молдавской независимости позволяют констатировать, что проблема раскола в идентичности мажоритарного этноса Молдовы сохраняется. На этот факт обращают внимание исследователи из самой Республики Молдова, а также из США и России¹. Одновременно необходимо отметить, что это далеко не первый кризис, который переживает мажоритарное население Молдовы, а наряду с ним и представители национальных меньшинств, проживающие на этой территории. Кризис идентичности прослеживается уже в факте деформации национального сознания на начальном этапе создания буржуазной молдавской нации в XIX в. под влиянием русской культуры и новорумынской культуры (речь идет о территориях Запрутской Молдовы, вошедших в состав образованной тогда усилиями сильнейших государств Европы современной Румынии).

Особую актуальность данная проблема приобретает в многонациональном сообществе. Следует отметить, что региональная идентичность может как носить ярко выраженную этническую окраску, так и выступать в качестве характеристики общих представлений жителей многонационального региона. Особую устойчивость региональная идентичность обретает в границах исторически сложившихся географических и политических областей государства. В Румынии, например, это исторические области Ардял, Банат, Запрутская Молдова и др. Причем у жителей этих регионов, граждан одного государства, одновременно выделяются представления о себе как общности, равно как и характеристики соседей (важный этнографический маркер выделения «себя» и «чужого»). Аналогичная разница прослеживается и у населения разных исторических территорий Франции: Бургундии, Шампани, Прованса и др. Подобных примеров на просторах Европы немало.

Говоря о молдавской идентичности, следует считаться с тем, что значительные по численности, компактно расположенные массы молдавского населения проживают в нескольких государственных образованиях.

Запрутские молдаване, входившие ранее вместе с бессарабцами в состав молдавского княжества, в настоящее время находятся в составе соседней Румынии и обладают иной политической и гражданской идентичностью. Этноним «молдаванин» – «moldovean» превратился у них в регионализм с преобладанием общераспространенного сознания румынской идентичности. Немалое влияние на данный процесс оказала официальная политика румынского государства, направленная на румынизацию сознания национальных меньшинств, чему, в частности, способствовал период правления Н. Чаушеску. Необходимо напомнить, что государственная идеология Румынии и, соответственно, официальная историография не признают молдавскую этническую идентичность. Молдаване Румынии, как и молдаване Республики Молдова, считаются румынами. Сложилась любопытная ситуация: Румыния, которая первой признала независимость молдавского государства после развала СССР, одновременно не признает право на независимость этнолингвистической идентичности титульного этноса Республики Молдова². На политическом уровне это закрепляется регулярными выступлениями отдельных молдавских и румынских политиков. Они подогревают идею Великого Румынского государства, вкладывая в умы электората³ и мысль об отсутствии оснований для существования независимой Молдовы.

Иначе сложилась ситуация у молдаван, живущих в междуречье Прута и Днестра. После 1812 г., попав под прямое влияние России, местные жители оказались в условиях, когда, с одной стороны, на них обрушилась волна русификации, а с другой, в силу внутренней политики Российской империи (и перенявшего эту практику СССР), сохранялись местные устои и традиции регионов (позже союзных республик).

Такая политика привела к сохранению молдавской идентичности, которая, однако, находилась на пограничье восточнороманской и восточнославянской культур. Это наложило соответствующий отпечаток на маргинализацию сознания местных жителей. Процесс усилился в результате событий XX в.

На его протяжении местное население дважды с перерывом находилось под имперским и советским влиянием и испытало на себе воздействие политики румынской идентификации. Речь идет о межвоенном периоде и годах независимости.

Региональная идентичность, или Регионализм в действии

В Республике Молдова, в свою очередь, можно выделить несколько исторически сложившихся регионов, в которых сформировались региональные идентичности; прежде всего, это Правобережная Молдова⁴. Основная территория Правобережной Молдовы, ранее называвшаяся Бессарабией, в свою очередь, включает в себя часть территории Буджака (который в исторических

источниках еще известен как «Старая Бессарабия», «Древняя Бессарабия»). События XX в. разделили эту территорию между двумя союзными республиками – МССР и УССР. В годы советской власти, на первый взгляд, это не ощущалось в связи с отсутствием внутренних границ и таможен, но ситуация была не совсем такой, как казалось. Так или иначе, население попадало под влияние местных «правил игры». Районы Рени, Измаила, Аккермана на юге Молдовы и пограничные с Молдавской ССР районы Черновицкой обл., тоже ранее входившие в состав Бессарабии, были включены в состав Украины. Это не могло не повлиять на формирование идентификационных ценностей у проживающего там украинского и молдавского населения.

Наконец, еще одна компактно проживающая общность молдаван присутствует на Левобережье Днестра. По мнению историка В. Н. Стати, этому способствовала не только переселенческая политика, дело «даже было ускорено включением населения этих краев в сферу интересов молдавской церкви» [25, с. 229]. Исследователь констатирует следующую тенденцию: численность молдаван, селившихся в левобережных районах в XIX в., росла, а доля их в этническом составе сокращалась в сравнении с численностью представителей других национальностей, которые селились здесь в указанный период, – украинцев, русских, евреев, немцев и др. [25, с. 231]. Молдавское население Левобережных районов исторически имеет наиболее тесные контакты с восточнославянским населением. О чувствах региональной идентичности населения Приднестровья показательно свидетельствуют результаты исследований американских, российских и приднестровских ученых [1, с. 35-37; 9, с. 13-35; 10].

Все исторические периоды с начала XIX в. и вплоть до провозглашения молдавской независимости объединены общей характеристикой – зависимым характером территории. В русский период с 1812 по 1918 гг., в румынский период 1918–1940 гг., 1941–1944 гг., в советский период 1940 г., 1944–1989 гг. молдавская идентичность, по сути, регламентировалась извне. Совсем на иных условиях протекали консолидационные процессы в среде мажоритарного населения Нового румынского королевства, отличавшегося от Бессарабии, а позже МССР, своей относительно самостоятельной государственностью и формированием у населения ценностей румынской политической идентичности. Национальная политика румынского государства осуществлялась таким образом, что к концу правления режима Н. Чаушеску идея румынской идентичности (прежде всего в гражданском смысле, равно как и в политическом) прочно превалировала даже среди национальных меньшинств Румынии. В Бессарабии, а позже в МССР молдавское население не ощущало себя в состоянии доминирующей в идеологическом плане силы, сказывалось сильное внешнее турецкое, русское, румынское, советское влияние. Это ставило молдаван, мало чем отличавшихся от национальных меньшинств (которых, в отличие от Румынии, целенаправленно никто не ассимилировал), в одни с ними условия существования, когда национальную

политику осуществляли не внутренние силы (логично допустить, что превалировать должны при этом представители титульного этноса), а внешний фактор. Историческая несамостоятельность породила у местного населения, как у титульного этноса, так и национальных меньшинств, ряд общих психологических черт, одной из которых является умение выживать и приспосабливаться. Конечно, сказывалась и «родовая травма» растекания земель Молдовы по соседним государствам – Румынии и Украине.

Считаю целесообразным обратить внимание на то, что, обладая государственностью, молдаване не являются вплоть до настоящего времени доминирующей нацией в плане идеологии этноса и поддержания чувства патриотизма (отчего-то в постсоветской Молдове зачастую можно встретить мнение, что данный термин является исключительно пережитком советской системы). Это объясняется и так называемым синдромом «малой нации», не излечившись от которого, можно утратить не только собственную этническую идентичность, но и государственность.

Под влиянием великорумынской идеи титульный этнос в Республике Молдова, с легкой руки сторонников унионизма, значительно чаще стали именовать не представителями титульной нации (что подразумевает под собой понимание государствообразующего начала), а «мажоритарным большинством», что подчеркивает численное преобладание, без одновременной привязки к государственному началу. Эта, казалось бы, несущественная деталь, стала одновременно традицией. Причем, термином «мажоритарное большинство», зачастую, просто не задумываясь, пользуются и те, кто не разделяет идеи Великой Румынии и румынизации молдавского сообщества.

Говоря о молдаванах, следует учитывать, что речь идет о самом многочисленном в Республике Молдова этносе, а в силу этого можно утверждать, что их этнические проблемы становятся общими для всего населения. Отсюда вытекает еще один прослеживаемый в последнее десятилетие вывод: национальные меньшинства более целенаправленно заинтересованы в сохранении молдавской идентичности мажоритарного этноса, нежели сами молдаване с разрозненной и полярно ориентированной элитой (при этом нельзя однозначно говорить о том, что сами национальные меньшинства представляют собой единую массу населения с общими интересами)⁵. Общее прошлое в период формирования современных наций, которое объединяет и молдаван, и не молдаван на одной территории, свидетельствует об их едином статусе во внешнем восприятии. И те, и другие должны были играть по одним правилам, которые диктовались в разное время Турцией, потом Россией, затем, непродолжительное время, – Румынией, потом снова Россией, но уже в лице СССР. По сути, ни у молдаван, ни у национальных меньшинств края не выработалось чувства независимости и государственной самостоятельности. Ведь даже за обозримый период последних двух с лишним веков рассматриваемые территории находились либо в фанариотской зависимости, либо входили в состав России и Румынии.

Кстати, серьезное и планомерное распространение румынских ценностей осуществляется через образовательные учреждения, особенно те, которые, в большинстве своем, функционируют на молдавском языке.

Феноменальные трансформации, происходящие в среде мажоритарного этноса, привели к тому, что современные исследователи пришли в определенное замешательство. Одним из фундаментальных вопросов стала проблема этнической и гражданской идентификации молдаван по обе стороны Днестра. «Все смешалось, – пишет московский исследователь М. Н. Губогло, – где «центр» молдавского народа, где его диаспора? На правом или левом берегу Днестра? Увы, несмотря на парадоксальность, эти вопросы обрели далеко не шуточное значение» [9, с. 14]. Основатель советской школы молдавской этнологии В. С. Зеленчук в своем последнем выступлении на международной конференции, посвященной 100-летию Российского этнографического музея в 2002 г., высказал следующую мысль: «Будут ли молдаване самостоятельным этносом или же они составят часть румынской нации – покажет будущее» [6, с. 183].

Географические регионализмы и их метаморфозы

Сначала немного истории. Дореволюционная Россия характерно отличалась от других могучих держав тем, что ее колонии находились в составе империи и социально-экономический статус многих из них, в частности Бессарабии, значительно улучшился.

Бессарабия российского периода была известна в качестве вольницы. Здесь, по сути, отсутствовало крепостное право, жителям края были дарованы многочисленные льготы. Изменился статус местной знати. Пустующие земли Новороссии, в которую входила Бессарабия, притягивали к себе не только лиц, официально переселяемых на новые территории, но и наиболее пассионарных личностей, бежавших от крепостничества и панщины из центральных регионов Украины и России. Полиэтничность края и полилингвизм, исторически сложившиеся в нем, отличали данную территорию от ряда других окраинных земель империи. Эти и другие факторы способствовали тому, что жители края осознавали себя единой общностью – бессарабцами (региональная идентификация).

Это дало основание отдельным аналитикам вернуться к рассмотрению понятий «Бессарабия» и «бессарабцы» как этнообъединяющих, вне зависимости от национальности, политики и географии. В этой связи ряд молдавских ученых и политиков⁶ высказали соображение о необходимости возвращения к историческим корням и реанимации политонима «бессарабцы». Позже в основательной статье другого молдавского историка – О. Галущенко «О так называемом „бессарабском” этническом сознании» [7, с. 52–54], утверждается, что данный термин «применительно к нашим дням является атавизмом» [7, с. 54]. Если быть исторически корректным, то часть территории бывшей Бессарабии в настоящее время входит в состав соседней Украины (часть Одесской и Черновицкой обл.). Получается, что жители этих территорий тоже могут именоваться бессарабцами. Но, являясь историческим, данный

термин («бессарабцы») продолжает использоваться в качестве регионального определителя вплоть до настоящего времени. Его также пытаются возродить и как официальный термин [3].

Констатируя использование термина «бессарабцы» в качестве регионального определителя, одновременно следует отметить несостоятельность его как этнополитической дефиниции. Во-первых, понятие «бессарабцы» несет в себе определенный дух зависимости, за последние два столетия этот термин использовался как в Царской России, так и в Румынии, подчеркивая, в том числе, и несамостоятельность населения, объединенного этим словом. В годы советской власти использовалось наименование «молдаване» – как жители молдавской советской социалистической республики.

Интересно, что понятие «Бессарабия» в регионах, ранее входивших в ее состав, а ныне находящихся в Одесской обл., активно используется интеллигенцией и населением Белгород-Днестровского (Аккермана), Рени, Измаила и Одессы. Встречается он там и в обыденной жизни. Гуляя по этим южным городам, можно встретить еще советские, легендарные бочки с прохладительным напитком «Бессарабский квас» или выпить бокал прохладного белого вина в одесском ресторане «Бессарабка». Даже на солнцезащитных автомобилях можно встретить старое название края «Бессарабия».

Говоря о термине «бессарабцы», следует подчеркнуть, что как региональный идентификатор он работает, и еще длительное время будет сохраняться как таковой. Одновременно, он вряд ли будет выступать в качестве термина, вокруг которого может осуществляться процесс нациостроительства.

Кстати, на бытовом уровне при характеристике определенного пространства можно использовать также термин «узнаваемое пространство». Так сложилось, что на более широком географическом пространстве (русском, позже советском и постсоветском) термин «бессарабцы» зачастую понимался как цыгане (ромы)⁷. В немалой степени этому способствовали образы данного вольного народа, нарисованные А. С. Пушкиным (поэма «Цыгане»). Мощное образное восприятие края сформировал кинематограф. Вспомним фильм Э. Лотяну «Табор уходит в небо» (1976 г.)⁸. Несколькоми годами позже, в 1979 г., вышел знаменитый многосерийный фильм Александра Бланка «Цыган» (с его главным героем Будулаем). Новый комедийный проект Тиграна Кеосаяна «Заяц над бездной» (2006 г.) дополнительно закрепил убеждение среднестатистического жителя постсоветского пространства, что молдавская Бессарабия активно освоена цыганским населением⁹.

Приднестровский феномен также демонстрирует пример региональной идентичности, которая под влиянием обстоятельств переросла в понятие более высокого порядка. Выступая в качестве регионального определителя, данное понятие в настоящее время, после образования непризнанной ПМР, превратилось в политоним (по крайней мере, на уровне властей Приднестровья и в приднестровских СМИ).

Однако если Приднестровская государственность не состоится, термин «приднестровцы», несущий в себе и географическую привязку, будет все равно подчеркивать региональную специфику населения, прежде всего, в силу своего исторического наличия.

Гагаузия – феномен трансформации географического регионализма в политический: точка или многоточие

На юге Республики Молдова и в Одесской обл. Украины компактно проживают потомки задунайских переселенцев (конец XIX – первые десятилетия XX вв.) – болгары и гагаузы. Живут они в степях Буджака. Объединенные общей исторической судьбой, длительное время законсервированные в своей культуре, они сформировали общий архетип той земли, которую по праву называют своей Родиной – Буджак.

Работая над поэмой «Кирджали», А. С. Пушкин метко охарактеризовал консервативные ценности болгарских поселенцев, для которых Буджак стал родиной:

В степях зеленых Буджака,
Где Прут, заветная река,
Обходит русские владенья,
При бедном устье ручейка
Стоит безвестное селенье.
Семействами болгары тут
В беспечной дикости живут,
Храня родительские нравы,
Питаясь ..... трудом,
И не заботятся о том,
Как ратоборствуют державы
И грозно правят их судьбой [22, с. 92].

Позже, в годы строительства гагаузами своей автономии, уже наш современник, гагаузский поэт Петр Чеботарь, с юмором обыграв в четырех строках этнические черты своего народа, в частности его привязанность к южной степи, констатировал объективную характеристику региональной гагаузской идентичности: «... Нам просто нечего терять, кроме своих степей»¹⁰.

Итак, в силу сложившейся конфликтной ситуации на Днестре и эскалации напряженности на юге Республики Молдова, в ходе волонтерского похода на гагаузов (25-30 октября 1990 г.) сложились благоприятные условия для формирования гагаузской автономии (Гагауз Ери).

Законодательными актами, обеспечивающими легитимность существования автономии, выступают: Закон «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)» № 344-XIII от 23 декабря 1994 г. (Мониторул Официал № 3–4. 14 января 1995 г.) и Уложение Гагаузии. Высшим органом Гагауз Ери выступает Народное собрание, высшим исполнительным лицом – Башкан, который одновременно является членом Правительства Республики Молдова. В

Гагаузии провозглашены три официальных языка: молдавский (государственный), гагаузский и русский. В силу еще советского наследия основная масса учебных заведений Гагаузии работает на русском языке, что вызывает неоднозначное отношение к ним кишиневских властей.

Что касается дальнейшей судьбы Гагаузии, то она достаточно специфична. Реалии автономно-территориального положения постепенно низвели ее статус лишь до культурной автономии, которая в настоящее время даже в плане функционирования языков, особенно в сфере образования, испытывает серьезное вмешательство со стороны Кишинева.

Вот как комментирует сложившуюся ситуацию известный общественный и политический деятель Гагаузии М. В. Кендигелян: «Ни Парламент нескольких созывов, ни меняющие друг друга правительства Республики Молдова так и не привели действующее законодательство и нормативные акты в соответствие с законом "Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)". Более того, Парламент продолжал и продолжает принимать законы, а Правительство – нормативные акты, ущемляющие или не учитывающие интересы автономии» [16].

Автор уже останавливался в других публикациях на освещении попыток представителей творческой интеллигенции и современных активистов (особенно после начала военных действий на Украине), направленных на создание Бессарабской Республики Буджак¹¹.

Следует отметить, что данная тема имеет уже свою определенную историю. В силу исторических перипетий территория Буджакской степи в настоящее время находятся в составе двух соседствующих государств – Молдовы и Украины.

Напомним, что гагаузское население компактно проживает в молдавском и украинском Буджаке вместе с переселившимся с ним в одно время, в конце XVIII – первой трети XIX в., болгарским населением.

Общность исторических судеб, длительность совместного проживания в Буджакской степи способствовали укреплению контактов между представителями этих двух этнокультурных сообществ, сформировали атмосферу симпатии и взаимопонимания. Потому понятно включение болгар, проживающих в соседнем Тараклийском районе Республики Молдова, в процесс этнополитического строительства гагаузов. Они симпатизировали процессам, начавшимся в 1988–1989 гг.

Идея болгаро-гагаузской автономии впервые возникла еще в 1924 г. Тогда, после освобождения Бессарабии, вопрос о создании такой автономии был озвучен в «докладной записке о необходимости создания Молдавской Советской Социалистической Республики», подготовленной Г. Котовским, П. Ткаченко и группой румынских коммунистов. Данный документ рассматривался в ЦК РКП(б) и в ЦК КП(б) Украины [30, с. 313]. После возвращения Бессарабии в состав России (СССР) многих участников данного процесса репрессировали. В ходе оформления Молдавской Советской Социалистической Республики произошло национально-территориальное

размежевание между молдаванами и украинцами. В состав Украины были включены районы МАССР с преобладавшим украинским населением, а также Измаильский, Килийский, Аккерманский и часть Хотинского уездов Бессарабии. Территория компактного проживания болгар и гагаузов оказалась поделенной между УССР и МССР [30, с. 322].

В 1957 г. известный молдавский историк-болгарист И. И. Мещерюк в письмах, адресованных Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву, предложил создать Болгаро-Гагаузскую автономию, а позже (в другом обращении) – болгаро-гагаузский национальный округ или область [11, с. 83-84]. Данная инициатива была болезненно воспринята представителями среднего звена партийного руководства, особенно на Украине [11, с. 84]. Попытки вернуться к рассмотрению вопроса об отражении общих интересов болгаро-гагаузского сообщества в Буджаке натолкнулись на нежелание официального Кишинева первой половины 90-х гг. XX в. видеть объединенные интересы юга. Быстрое создание гагаузской автономии, которая автономией является больше на бумаге, без учета интересов болгарского населения, – яркий тому пример. В разобщении болгаро-гагаузского сообщества продолжали проявлять заинтересованность и власти Украины; жесткое преследование сторонников данного процесса, уже в новых условиях гражданского конфликта на территории Украины – еще одно подтверждение этому [2; 17]. Не менее показательны преследования сторонников создания «Народной Республики Буджак», в состав которой организаторами планировалось вхождение Болграда, Измаила, Татарбунар, Тарутино, Рени, Арциза и Гагаузии [14].

Многие аналитики утверждают, что попытка создания новой территориальной целостности на юге Молдовы и Украины является несерьезным актом и попытки ее создания были прерваны на корню украинскими спецслужбами [17] (понятно, что в данном процессе принимают участие и молдавские силовики [5]). Можно даже рассматривать возникновение подобных инициатив как игру на опережение тех же спецслужб Молдовы и Украины.

Со временем эти и другие стороны вопроса будут освещены и прокомментированы. Для нас же в данном случае важно то, что на юге Молдовы и Украины этнические процессы возрождения в среде потомков задунайских переселенцев – болгар и гагаузов, в случае благоприятного конструкта могут вылиться в содержание нового качества.

Политическая нация – нереализованная мечта

Построение политической нации является темой, активно обсуждаемой в странах новых демократий. Соседняя с Молдовой Украина не является исключением. Украинский исследователь И. М. Варзар в своей работе «Політична етнологія як наука» обращает внимание на выступление экс-президента Украины Л. Кравчука 12 января 1993 г. в Кнессете Израиля, в котором подчеркивалось следующее: «Каждая этническая общность на Украине развивается по своим традициям, обычаям. Но, одновременно, все они <...> представляют собою одну политическую нацию – украинский народ» [4].

Исследователь делает замечание о том, что, говоря о «политической нации», правильнее было бы использовать выражение «народ Украины» [4].

Этот небольшой экскурс в нациостроительство соседней с Молдовой Украины не случаен. Два данных государственных образования на протяжении многовековой истории демонстрировали весьма схожие сценарии исторического поведения, что делает их судьбу во многом близкой, несмотря на разницу в масштабах. Комментируя рассуждения Леонида Кравчука и Ивана Варзара, следует отметить, что они выдают желаемое за действительное. Озабоченность построением политической нации в Молдове и Украине понятна. Но, думается, что этот процесс – даже при оптимистичном взгляде на проблему – положительных результатов не продемонстрировал, и ситуация вряд ли изменится в ближайшее время [28]. На Украине этому явно не способствуют наличие ЛНР и ДНР. В Молдове – Приднестровье.

Разговор о политической нации в любом случае выводит на проблему ее названия. Мы уже рассмотрели различные региональные географические термины, которые так или иначе используются в повседневном общении, но не могут претендовать на название политической нации, которая, начнем с этого, не сложилась: Бессарабия, Буджак, Приднестровье. При этом следует заметить, что все они достаточно устойчивы в своей региональности и, простите за каламбур, – оригинальности. Что же касается общего политического имени населения Республики Молдова, то оно не созрело. Молдаване как политическая нация – общность не сложившаяся, и неизвестно, когда она как таковая будет сформирована. Прежде всего, для этого нужно время. Трудно представить себе сегодня гагауза, гордо подчеркивающего, что он молдаванин, еще сложнее это перенести на приднестровца.

И, конечно, политическая нация строится на общем фундаменте. Цементом выступает та самая национальная идея, которая в Молдове пока отсутствует. Да, собственно, и невозможно выстроить подобную идею при наличии в стране незавершенного конфликта между двумя берегами Днестра и непростых отношений с южными регионами страны¹².

Условно современную Молдову можно разделить на три территории. Это южные регионы, в которых прослеживаются четкие линии этницизма гагузов и болгар. Этницизму первых в немалой степени способствует гагаузская автономия. Причем, с 50-х гг. XX в. наблюдается политика искусственного размежевания задунайских переселенцев, болгар и гагаузов, потомки которых компактно проживают в степях Буджака и о которых так образно писали цитируемые поэты. В настоящее время они входят в состав Республики Молдова и Украины.

Этнизм титульного этноса, особенно его интеллигенции, расколол страну на сторонников румынских ценностей и молдавенизма. Об этом уже говорилось выше, но подобная ситуация лишней раз подчеркивает противоречивые этноцентрические установки¹³, которые сказываются не только на носителях титульной этничности, но и на всем обществе (в том числе и на региональном уровне). Однако это не способствует выработке общей системы

ценностей. Ситуация усугубилась за счет кризиса культурного кода в молдавском обществе¹⁴.

Наконец, приднестровская модель демонстрирует наиболее устойчивую модель общежития на срезе вышеприведенных примеров региональных и общегосударственных проявлений этницизма.

Этноцентристские проявления в приднестровском обществе опираются на менее пострадавшие ценности культурного кода, что сделало процесс перехода к новой системе (речь идет о постсоветском периоде) в меньшей степени болезненными. Приоритет отдается исторически знаковой в регионе русской культуре, что отражается на ее восприятии всеми представителями приднестровского общества, о которых столь метко написал цитированный Н. Стариков (См.: примечание 12).

Язык как мобилизатор идентичности

Одним из ярких определителей личности и этносоциальной группы является язык. В этом контексте краткий анализ лингвистической ситуации в преломлении к разговору о сохранении этнических и формировании общих (надэтнических) ценностей просто необходим.

В годы независимости в Республике Молдова языковой фактор обрел поистине знаковую роль. Следует подчеркнуть особое влияние, которое оказали на развитие этнолингвистических процессов два последних столетия – период, за который местное население прошло путь нескольких формаций.

С 1812 г. Бессарабия вошла в состав Российской империи. В силу специфики исторических процессов и национально-психологического климата, характерного для края, а позже и МССР, в отличие от других союзных республик (например, Грузии, Узбекистана) знание молдавского языка, равно как и языков национальных меньшинств, оказалось как бы на втором плане. Это стало необязательным, особенно в городской среде. Произошла парадоксальная ситуация: тянущиеся к высокой русской, единовременной культуре молдаване считали обязательным обучить своих детей русскому языку. Что же касается представителей национальных меньшинств – они поступали также, но при этом выпадал сам молдавский язык как язык большинства, который стал во многих сферах заменяться русским. Последняя волна распространения русского языка имела место в период восстановления народного хозяйства 40–70-х гг. XX в. Ситуация начала меняться к середине 80-х гг. XX в., когда было подготовлено достаточное количество специалистов – представителей мажоритарного этноса. А 80-е гг. характеризуются целым парадом сменяющих друг друга первых секретарей ЦК, началом перестройки и агонией СССР. Русский язык стал терять основу своего статуса.

Общедоступный русский язык стал неудобен национал-радикалам Молдовы начала 90-х гг. в качестве языка, претендующего на какой-либо статус. Ведь статус русского как языка межнационального общения ни к чему не обязывает. Элита не боится языков без статуса, не боится она и бесписьменных языков. В XIX в. в Бессарабии практически только элита, в том числе и молдавская, владела русским языком. В силу того, что Бессарабия была

аграрным краем, основная масса населения общалась на этнических языках. Знание русского было престижно и принесло свои плоды уже во второй половине XIX столетия. Особенность заключается еще и в том, что Бессарабия, в отличие от стран Закавказья, была присоединена к России мирным путем, без многолетней войны. Таким образом, население края, видя в лице Российской империи избавителя от гнета турок и единоверца, не воспринимала Россию в качестве оккупанта.

Позже в Советской Молдавии со стороны государства не уделялось внимание региональным языкам. Их никто не запрещал и никто не поощрял. Они сохранились в силу естественной защитной реакции этнических групп в составе иноэтничного окружения, с одной стороны, и в связи с аналогичной реакцией по отношению к государственному – русскому языку, с другой.

Начало 90-х гг. связано в Молдове с приходом к власти национал-радикалов и жесткой чисткой аппарата управления республики. Этому способствовали и такие глобальные политические события, как конфликт с Приднестровьем и гагаузское противостояние. В основе этих региональных проблем, до сих пор не урегулированных, лежало, прежде всего, отсутствие политического решения языковой проблемы. В результате произошло отделение от центра регионов, в которых элита и население по своей ментальности и национальному составу не воспринимали молдавский язык в качестве единственного – государственного. Сегодня в Гагаузии и Приднестровье задекларировано по три языка, имеющих статус государственных. Позже в республике был создан Тараклийский уезд с компактным проживанием болгар. В нем, в отличие от Приднестровья и Гагаузии, статус государственного языка имеет только молдавский. Однако, несмотря на разницу в статусе и положении, во всех трех регионах наиболее распространен русский язык как в делопроизводстве, так и в образовании. На бытовом уровне население предпочитает общаться на этнических языках и русском [21].

Во многих работах уже говорилось, что за годы независимости в Молдове, Приднестровье и Гагаузии выросло целое поколение новых людей, которые знают о прошлом уже лишь понаслышке. Но лингвистический вопрос, как составная часть идентичности, переходит к детям от родителей, которые не решили эти животрепещущие вопросы современности, а оставляют их своим потомкам в качестве наследства, полученного в борьбе за свободу и демократию.

Примечания:

¹ На эту проблему неоднократно обращали внимание не только зарубежные, но и молдавские историки, писавшие в разные годы независимости. См., например: Шорников П. М. Покушение на статус. Кишинев, 1997. С. 6-21; он же. Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007; Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2003. На анализе проблемы останавливались и авторы первой коллективной «Истории Республики

Молдова. С древнейших времен до наших дней» (Кишинев, 2002). Здесь же можно указать доклад И. Ф Грека: Грек И. Ф. Национальные отношения в Республике Молдова на современном этапе и пути их оптимизации // Национальные отношения в Республике Молдова на современном этапе и пути их оптимизации (Материалы круглого стола). Кишинев, 1999. С. 14-15 и мн. др.; из американских авторов на проблеме подробно останавливаются: David D. Laitin. Identity in Formation: The Russian-Speaking Population in the Near Abroad. Ithaca and London, 1998 и Charles King. The Moldovans. Romania, Russia and the Politics of Culture. Stanford: Hoover Institution Press, 2000; из российских авторов следует указать труды М. Н. Губогло, Л. В. Остапенко, И. А. Субботину, С. С. Савоскула и др. См.: Губогло М. Н. Русский язык в этнополитической истории гагаузов (вторая половина XX века). М.: Старый сад, 2004; он же. Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии. М.: ИЭА РАН, 2014; Остапенко Л. В., Субботина И. А., Нестерова С. Л. Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя... Этносоциологическое исследование. М.: ИЭА РАН, 2012; Савоскул С. С. Русские нового зарубежья: выбор судьбы. М.: Наука. 2001 и др.

² Впрочем, похожих ситуаций в мировой практике не так уж мало. В качестве примера хотелось бы привести гагаузскую проблему. В ряде стран, в том числе в Украине, России, непосредственно в Республике Молдова, гагаузы официально признаны как тюркский этнос. В Республике Молдова учреждена гагаузская автономия. По-иному гагаузов расценивают Турция и Болгария. Официальная историография этих государств рассматривает гагаузов, соответственно, как турок и болгар. В качестве третьего примера можно привести проблему искусственного возрождения русинства; речь идет о попытке внесения раскола в историческую украинскую этническую группу, вторую по численности после молдаван в Республике Молдова. Из сказанного видно, что независимая Молдова подвергается испытаниям в устойчивости этнической идентичности в разных этносоциальных средах, причем со стороны как внутренних, так и внешних составляющих.

³ Важно подчеркнуть, что в силу массовой заполитизированности сознания населения в Республике Молдова проблема объединения и создания Великой Румынии остро резонирует в молдавском сообществе, встречая своих сторонников и противников как в столице, так и в регионах. При этом следует отметить, что в отличие от Республики Молдова, где тема объединения выступает в качестве этнополитического конструкта, в Румынии этим вопросом интересуется гораздо меньший процент населения, как правило, политически ангажированный.

⁴ В определенной степени сложилась уникальная ситуация: сейчас существует как бы две «правобережные Молдовы», одна исторически, с 1812 г., входит в состав Валашского государства (ныне территория Румынии), чтобы не путать ее именуют «румынская Молдова», другая территория с таким названием – регионы Республики Молдова, находящиеся между Прутом и

Днестром (в настоящее время это территория, где *de iure* и *de facto* действуют законы Республики Молдова).

⁵ Подробнее с предварительными данными этносоциологического исследования можно познакомиться в докладе автора «Динамика гражданской и этнической идентичности в современной Молдове», прозвучавшем на международной конференции «Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость», проходившей 22–23 октября 2003. в г. Кишиневе. Кишинев, 2003. С. 254-269.

⁶ Например, В. Солонарь. Я бессарабец! // Молодежь Молдавии, 1 февраля 1990 г.

⁷ В разных источниках численность ромов колеблется от 11 до 20 тыс. чел. Проблема идентификации ромского населения усугубляется также отсутствием у ряда из них паспортов. Ситуация усложняется еще одной особенностью, корни которой уходят в советское прошлое. Тогда тоже осуществлялись попытки решить «цыганский вопрос» путем выдачи паспортов с национальностью титульного этноса республики, в которой проживали лица ромского происхождения. Таким образом, официальная этническая идентичность у старшего поколения ромов часто отличается от естественной, по происхождению.

⁸ Для малоискушенного зрителя, тем более не бывавшего в Молдавии, картина рисует бесспорный суровый и эмоциональный образ романтического цыганского мира. Но, если остановиться на рассмотрении географических особенностей, в которых протекают события, то можно убедиться, что съемки велись явно не в Бессарабии. Там просто нет таких гор. На этот факт либо специально не обращалось внимания, либо действительно не актуализировалась важность географического антуража. Скорее, через образ горной Молдовы, постановщик стремился показать Запрутскую Молдову как единое целое с Бессарабией, включенной в Советскую Молдавию того времени. Среди части творческой интеллигенции идея Великой Румынии тонко сохранялась и в советские времена.

⁹ Кстати, небезынтересно напомнить, что в средневековой Молдове крепостничества, как такового, не было. Крепостная зависимость распространялась на татар и цыган.

¹⁰ Роль и отражение идентификации сознания болгар и гагаузов, а также влияние на этот процесс писателей этих народов успешно отражены в исследовании Д. Е. Никогло. См.: Никогло Д. Региональная идентичность в творчестве болгарских и гагаузских поэтов // Этносоциологические и этнопсихологические процессы в трансформирующемся обществе: этнология слова. Тирасполь, 2010, С. 123-124.

¹¹ Подробнее см.: Степанов В. П. Этнополитическое конструирование гражданской идентичности на двух берегах Днестра (1989–2014 гг.). Москва–Тирасполь, 2015. С. 32 и далее.

¹² Российский аналитик Николай Стариков подчеркнул в своем выступлении: «Конфликт, который был в начале 90-х годов в Молдавии, – это

не конфликт между русскими и молдаванами, как некоторые пытаются представить. Это такая же гражданская война, как сегодня на Украине. Конфликт заключается в мировоззренческом поле. Кишиневская власть говорит: “Мы – румыны”. А у жителей Приднестровья своя точка зрения: “Нет, мы не румыны – мы русские, украинцы, молдаване, но не румыны”. И вообще в Молдавии есть территории, население которых не хочет стать румынами ни при каком раскладе» // Стариков Н. Зачем это нужно Украине / <http://pridnestrovie-daily.net/archives/1911> (дата информации: 30.05.2015; дата обращения: 06.12.2016)

¹³ В диссертационном исследовании И. Душаковой, посвященном анализу СМИ как средства этнической мобилизации в Молдове, подчеркивается, как в ходе дискурсов двух противостоящих партий – ЛДПМ (как следует из названия, партия либеральной направленности, ориентированная на прорумынский вектор и интеграцию с Евросоюзом) и ПКРМ (коммунистический бренд и использование коммунистической риторики с целью достижения власти, с внешней ориентацией на укрепление связей с Россией и Евразийским вектором, с одновременной практикой заигрывания с Евросоюзом и Штатами).

«Что же касается этнонима “молдавский”, то его употребление гораздо активнее, нежели глоттонима. Однако важно, по нашему мнению, то, что этноним употребляется в обоих дискурсах как синонимичный выражению “народ Молдовы”, при этом ЛДПМ все-таки использует этот этноним гораздо реже синонимичных ему выражений (граждане, население страны и др.). Это вновь приводит нас к выводу о недостаточной репрезентации культурного пласта, связанного с титульным этносом». // Душакова И. Периодическая печать Республики Молдова как механизм укрепления этнической идентичности на современном этапе. Диссертация на соискание ученой степени доктора истории. Кишинев, 2016. С. 88-89.

¹⁴ В данной публикации нет возможности подробно остановиться на анализе данного феномена. Более подробно об этом говорится в недавно вышедшей книге: Степанов В. П. Этнополитическое конструирование гражданской идентичности на двух берегах Днестра (1989–2014 гг.). М.; Тирасполь, 2015. С. 132-146.

Список литературы

1. Бабилунга В., Бомешко Б. Приднестровский конфликт. Исторические, демографические, политические аспекты. Тирасполь: РИО ПГУ, 1998.
2. Болгары требуют от официального Киева прекратить репрессии в отношении своих соотечественников // https://www.1tv.ru/news/2015/05/18/17461-bolgary_trebuyut_ot_ofitsialnogo_kieva_prekratit_repressii_v_otnoshenii_svoi_h_sootechestvennikov (дата обращения: 08.12.2016);

3. Боршевич В. Бремя нашей мифологии: «Каин, где твой брат Авель?» – Дух румынизма и дух молдавенизма – проблема синхронизации // Независимая Молдова, 28.02.2007 г.
4. Варзар І. М. Політична етнологія як наука. // Еврейские вести. 1993, № 2(22), январь.
5. В Кишиневском аэропорту задержали мужчину, обвиняемого в создании «Республики Буджак» // <http://edingagauz.md/sobitiya/v-kishinyovskom-aeroportu-zaderzhali-muzhchin/> (дата обращения: 08.12.2016).
6. Зеленчук В. С. Проблемы внутренней структуры этноса (румыны – молдаване) // Музей. Традиции. Этничность. СПб.–Кишинев, 2002. С. 183.
7. Галущенко О. О так называемом «бессарабском» этническом сознании Мысль, № 1 (5), март 1999. С. 52-54.
8. Грек И. Ф. Национальные отношения в Республике Молдова на современном этапе и пути их оптимизации // Национальные отношения в Республике Молдова на современном этапе и пути их оптимизации (Материалы круглого стола). Кишинев: Б. и., 1999. С. 3-35.
9. Губогло М. Н. Тяжкое время конкурирующих идентичностей. Опыт Приднестровья// Ежегодный исторический альманах Приднестровья №4, 2000 С. 13-35;
10. Губогло М. Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки / М. Н. Губогло. М.: Наука, 2003.
11. Губогло М. Н. Русский язык в этнополитической истории гагаузов (вторая половина XX века). М.: Старый сад, 2004.
12. Губогло М. Н. Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии. М.: ИЭА РАН, 2014.
13. Душакова И. Периодическая печать Республики Молдова как механизм укрепления этнической идентичности на современном этапе. Диссертация на соискание ученой степени доктора истории. Кишинев, 2016.
14. Идеальный вдохновитель «Республики Буджак» выдворен из Молдовы // <http://point.md/ru/novosti/obshchestvo/idejniy-vdohnovitelj-guotrespubliki-budzhakguot-vidvoren-iz-moldovi> (дата обращения: 20.11.2015).
15. История Республики Молдова. С древнейших времен до наших дней. Под ред. В. И. Царанова. Кишинев: Elan Poligraf, 2002.
16. Кендигилян М. Гагаузская республика. Борьба гагаузов за национальное самоопределение, 1989–1995: Воспоминания, документы. Комрат, 2009.
17. На карте Украины может появиться новый очаг сепаратизма // <http://ukraina.ru/opinions/20151031/1014696707.html> (дата обращения: 03.11.2016).
18. «Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость». Материалы международной конференции 22–23 октября.2003. Кишинев: Бизнес-Элита, 2003.

19. Никогло Д. Региональная идентичность в творчестве болгарских и гагаузских поэтов // Этносоциологические и этнопсихологические процессы в трансформирующемся обществе: этнология слова. Тирасполь: Изд-во ПГУ, 2010, С. 123-124.
20. Остапенко Л. В., Субботина И. А., Нестерова С. Л. Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя... Этносоциологическое исследование. М.: ИЭА РАН, 2012.
21. Перепись населения Республики Молдова 2004 года // <http://www.statistica.md/pageview.php?l=ro&idc=295&id=2234>
22. Пушкин А. С. Кирджали. Стихотворения. ПСС. М.-Л.; Изд-во АН СССР, 1950. Т. III. С. 92.
23. Савоскул С. С. Русские нового зарубежья: выбор судьбы. М.: Наука. 2001.
24. Солонарь В. Я бессарабец! // Молодежь Молдавии, 1 февраля 1990 г.
25. Стати В. История Молдовы. Кишинев: Tipografia Centrală, 2003.
26. Стариков Н. Зачем это нужно Украине / <http://pridnestrovie-daily.net/archives/1911> (дата информации: 30.05.2015; дата обращения: 06.12.2016)
27. Степанов В. П. Этнополитическое конструирование гражданской идентичности на двух берегах Днестра (1989–2014 гг.). Москва–Тирасполь, 2015.
28. Толочко П. Мы уже договорились до того, что Иисус Христос был ширим украинцем, гуцулом» // Бульвар Гордона, март, 2006, № 10(46).
29. Шорников П. М. Покушение на статус: Этнополитические процессы в Молдавии в годы кризиса. 1988–1996, Кишинев: Инесса, 1997. С. 6-21;
30. Шорников П. М. Социально-политическое положение гагаузов в 20–40-х годах XX века // История и культура гагаузов. Кишинев: Pontos, 2006. С. 313.
31. Шорников П. М. Молдавская самобытность. Тирасполь, Изд-во ПГУ, 2007.
32. David D. Laitin. Identity in Formation: The Russian-Speaking Population in the Near Abroad. Ithaca and London, 1998.
33. Charles King. The Moldovans. Romania, Russia and the Politics of Culture. Stanford: Hoover Institution Press, 2000.
34. Закон «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)» № 344-XIII от 23 декабря 1994 г. (Мониторул Официал № 3–4. 14 января 1995 г.).
35. Уложение Гагаузии. г. Комрат, 05.06.1998г. №28-XXX/1

References

1. Babilunga V., Bomeshko B. Pridnestrovskij konflikt. Istoricheskie, demograficheskie, politicheskie aspekty. Tiraspol': RIO PGU, 1998.
2. Bolgary trebujut ot oficial'nogo Kieva prekratit' repressii v otnoshenii svoih sootechestvennikov // <https://www.1tv.ru/news/2015/05/18/17461->

- bolgary_trebuyut_ot_ofitsialnogo_kieva_prekratit_repressii_v_otnoshenii_svoih_sootestestvennikov (data obrashhenija: 08.12.2016);
3. Bremja nashej mifologii: «Kain, gde tvoj brat Avel'?» – Duh rumynizma i duh moldovinizma – problema sinhronizacii. Stat'ja doktora nauk Viktorash Borshevicha// Nezavisimaja Moldova, vtornik, 28.02.2007 g.
  4. Varzar I. M. Politichna etnologija jak nauka. // Evrejskie vesti. 1993, № 2(22), janvar'.
  5. V Kishinjovskom ajeroportu zaderzhali muzhchinu, obvinjaemogo v sozdanii «Respubliki Budzhak» // <http://edingagauz.md/sobitiya/v-kishinyovskom-aeroportu-zaderzhali-muzhchin/> (data obrashhenija:08.12.2016).
  6. Zelenchuk V. S. Problemy vnutrennej struktury jetnosa (rumyny – moldavane)// Muzej. Tradicii. Jetnichnost'. Spb-Kishinev, 2002. S. 183.
  7. Galushhenko O. O tak nazyvaemom „bessarabskom” jetnicheskom soznanii Mysl', № 1 (5), mart 1999. S. 52-54.
  8. Grek I. F. Nacional'nye otnoshenija v Respublike Moldova na sovremennom jetape i puti ih optimizacii// Nacional'nye otnoshenija v Respublike Moldova na sovremennom jetape i puti ih optimizacii (materialy kruglogo stola). Kishinev: B. i., 1999. S. 3-35
  9. Guboglo M. N. Tjazhkie vremena konkurirujushchih identichnostej. Opyt Pridnestrov'ja// Ezhegodnyj istoricheskij al'manah Pridnestrov'ja, № 4, 2000 S. 13-35;
  10. Guboglo M.N. Identifikacija identichnosti : jetnosocio-logicheskie ocherki / M. N. Guboglo. M.: Nauka, 2003.
  11. Guboglo M. N. Russkij jazyk v jetnopoliticheskoj istorii gagauzov (vtoraja polovina XX veka). M.: Staryj sad, 2004.
  12. Guboglo M. N. Strasti po doveriju. Opyt jetnopoliticheskogo issledovanija referenduma v Gagauzii. M.: IJeA RAN, 2014.
  13. Dushakova I. Periodicheskaja pechat' Respubliki Moldova kak mehanizm ukreplenija jetnicheskoj identichnosti na sovremennom jetape. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doktora istorii. Kishinev, 2016.
  14. Idejnyj vdohnovitel' «Respubliki Budzhak» vydvoren iz Moldovy // <http://point.md/ru/novosti/obshestvo/idejnyj-vdohnovitelj-guotrespubliki-budzhakguot-vidvoren-iz-moldovi> (data obrashhenija: 20.11.2015).
  15. Istorija Respubliki Moldova. S drevnejshih vremen do nashih dnejj. Pod red. V. I. Caranova. Kishinev: Elan Poligraf, 2002.
  16. Kendigiljan M. Gagauzskaja respublika. Bor'ba gagauzov za nacional'noe samoopredelenie, 1989–1995: Vospominanija, dokumenty. Komrat, 2009.
  17. Na karte Ukrainy mozhet pojavit'sja novyj ochag separatizma // <http://ukraina.ru/opinions/20151031/1014696707.html> (data obrashhenija: 03.11.2016).
  18. «Nacional'nye obrazy mira: edinstvo – raznoobrazie – spravedlivost'». Materialy mezhdunarodnoj konferencii 22-23 oktjabrja.2003. Kishinev, Biznes-Jelita, 2003.

19. Nikoglo D. Regional'naja identichnost' v tvorchestve bolgarskih i gagauzskih pojetov// Jetnosociologicheskie i jetnopsihologicheskie processy v transformirujushhemsja obshhestve: jetnologija slova. Tiraspol': Izd-vo PGU, 2010, S. 123-124.
20. Ostapenko L. V., Subbotina I. A., Nesterova S. L. Russkie v Moldavii. Dvadcat' let spustja...Jetnosociologicheskoe issledovanie. M.: IJeA RAN, 2012.
21. Perepis' naselenija Respubliki Moldova 2004 goda // <http://www.statistica.md/pageview.php?l=ro&idc=295&id=2234>
22. Pushkin A. S. Kirdzhali. Stihotvorenija. PSS. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. T. III. S. 92.
23. Savoskul S. S. Russkie novogo zarubezh'ja: vybor sud'by. M.: Nauka. 2001.
24. Solonar' V. Ja bessarabec! // Molodezh' Moldavii, 1 fevralja 1990 g.
25. Stati V. Istorija Moldovy. Kishinev: Tipografia Centrală, 2003.
26. Starikov N. Zachem jeto nuzhno Ukraine / <http://pridnestrovie-daily.net/archives/1911> (data informacii: 30.05.2015; data obrashhenija: 06.12.2016)
27. Stepanov V. P. Jetnopoliticheskoe konstruirovanie grazhdanskoj identichnosti na dvuh beregah Dnestra (1989–2014 gg.). Moskva–Tiraspol', 2015.
28. Tolochko P. My uzhe dogovorilis' do togo, chto Iisus Hristos byl shhirim ukraincem, guculom» // Bul'var Gordona, mart, 2006, № 10(46).
29. Shornikov P.M. Pokushenie na status : Jetnopoliticheskie processy v Moldavii v gody krizisa. 1988–1996, Kishinev, Inessa, 1997. S. 6-21;
30. Shornikov P. M. Social'no-politicheskoe polozhenie gagauzov v 20 – 40-h godah HH veka // Istorija i kul'tura gagauzov. Kishinev: Pontos, 2006. S. 313.
31. Shornikov P.M. Moldavskaja samobytnost'. Tiraspol', Izd-vo PGU, 2007.
32. David D. Laitin. Identity in Formation: The Russian-Speaking Population in the Near Abroad. Ithaca and London, 1998.
33. Charles King. The Moldovans. Romania, Russia and the Politics of Culture. Stanford: Hoover Institution Press, 2000.
34. Zakon «Ob osobom pravovom statuse Gagauzii (Gagauz Eri)» № 344-XIII ot 23 dekabrja 1994 g. (Monitorul Oficial № 3–4. 14 janvarja 1995 g.).
35. Ulozhenie Gagauzii. g. Komrat, 05.06.1998g. №28-HHH/1